

Это история о монстре. Она знала, что она монстр. Она ела людей. Ела своих сородичей, гниющих, поражённых кишашими насекомыми, личинками и разложением.

Она делала это, чтобы выжить. Но цена была слишком велика, невыносима. Девушка, у которой когда-то было имя, не раз жалела, что не умерла тогда, вместо того чтобы откусить тот первый кусок.

Но она была жива. И даже сейчас она желала жить. Но чудовище в ней...

Оно жаждало. Оно всегда хотело взять верх. В её душе была часть, которая пожрала бы весь мир, если бы могла. Она бы ела и ела, пока не осталось бы ничего, кроме неё самой.

Вот чего она боялась. Если она ещё глубже уйдёт по этой дороге в ад, то она никогда не вернётся. В этом она была уверена.

Она была чудовищем. Ужасной тварью, на которую должны охотиться и которую должны убивать герои и авантюристы. Но вот в чём дело. Девушка, которая выглядела как чудовище, повстречала настоящих монстров. Гоблинов. И почему-то они были больше похожи на людей, чем люди, живущие в Эстхельме.

Гоблины. Самый жалкий из видов, трусливые, предательские существа, которые ели своих мертвецов. Так говорили [Флористке], когда она ещё ходила на двух ногах и знала своё имя. Но тварь с зазубренными когтями и острыми зубами, которая передвигалась на четвереньках, видела нечто иное.

Она видела разумных... Воинов, отважных и гордых. Гоблины, которые когда-то спасли её, бежали по улицам, вооружённые, освобождая дорогу, пока шестеро из их числа помогли

поддерживать и тащить массивного хобгоблина.

Его веки трепетали, и массивный гоблин слабел. Кровь текла из его живота, брызгая на снег и грязную землю. Он был глубоко ранен.

Это сделал с ним авантюрист Золотого ранга. Монстр видела это. Он убивал чудовищ и сражался с гоблинами. И она сразилась с ним, чтобы дать им уйти.

Даже сейчас она не знала, зачем это сделала. Она напала на свой собственный народ... на героя! Но он был неправ. Гоблины не были монстрами. Они тоже были героями.

Они сражались. Прижатые спиной к стене, даже против авантюриста... они сражались. Только об этом и думала монстр, пока помогала тащить полубессознательного хоба обратно к их лагерю.

Они были монстрами, да. Но даже они... нет, они и близко не были такими же жалкими, как она. И она спасла их. Или, по крайней мере, попыталась. Она сражалась с героем, авантюристом...

Ради них.

Что ей овладело? Возможно, желание не дать этим разумным умереть. Отплатить им за доброту, которую они к ней проявили. Потому что они не были монстрами.

Только она была монстром.

Гоблинские воины в панике кричали, пробегая по улицам. Они кричали на хоба, пытаясь не дать ему заснуть. Массивный гоблин спотыкался, едва находясь в сознании, но никто из гоблинов не осмеливался замедлить шаг. Они всё время оглядывались, ожидая в любой момент увидеть преследующего их человека в серебряных доспехах.

Но он так и не появился. А когда гоблины добрались до своего лагеря и хоб рухнул на землю, они тут же разорвали его пояс.

Чудовище сидело на корточках в углу, засунув пальцы в рот, и наблюдало, не зная, что делать. Один из гоблинов расстёгивал все отделения на поясе хоба, что-то ища. Что?

Зелье лечения! Конечно! Красный пузырёк был крошечным, но по тому, как он блестел на свету, монстр понимала, что он очень мощный. Она затаила дыхание, когда они влили жидкость в зияющую рану в животе хоба. И в одно мгновение...

Она закрылась! Тварь никогда не видела, чтобы рана заживала так быстро, но зелье было из тех, что используют только богачи. Хоб застонал, но цвет вернулся на его зелёное лицо. Он сел...

И схватился за руку. Зелье не исцелило его сломанные кости. Остальные гоблинские воины вздохнули с облегчением. Один потянулся к руке хоба, но тот оттолкнул гоблина. Поморщившись, хоб ощупал свои раны, а затем указал на рюкзаки. Он порылся в них и достал ткань и металлический прут, на который они подвешивали котёл.

Хоб начал делать из этих материалов шину. Другие гоблины хотели помочь, но он явно желал

сделать всё сам. Он огрызался на других воинов, когда они пытались подойти.

Монстр наблюдала за этим, ещё больше убеждаясь, что она была права, а авантюрист - нет. Это были не монстры, которых нужно убивать, по крайней мере, не эти гоблины уж точно.

Они заботились друг о друге. Поддавшись импульсу, девушка протянула руку. Она коснулась руки Ворчуна, когда тот, ворча от боли и досады, возился с шиной.

Хоб двинулся, чтобы оттолкнуть существо, но остановился, увидев её. Он помедлил, а затем неохотно позволил ей взять шину. Медленно-медленно, пытаясь вспомнить, как это делается, девушка привязала шину к его руке. Хоб втянул воздух сквозь зубы, но не издал ни звука, когда она остановилась.

Туже. Вот что он говорил, вот что он имел в виду. Девушка-монстр завязала узел, а хоб тяжело дышал, но, когда всё было готово, он встал и заворчал на неё.

Спасибо. Это было всё, но от этого слова глаза чудовища наполнились слезами. Хоб сделал паузу и наклонился, чтобы осторожно вытереть их.

А затем чудовище стало не чудовищем, а девушкой, лишь похожей на монстра. Воины Красного Клыка столпились вокруг неё, хлопая её по спине, одобрительно гогоча. Они смотрели на неё...

Не как на монстра. Это было всё, чего девушка хотела. Поэтому она плакала и на секунду забыла о голоде в своей душе.

Это история о чудовище. Это рассказ о девушке, в душе которой было что-то тёмное. Она чувствовала это, даже когда сидела в гоблинском лагере, слушая, как они смеялись и лупили друг друга, радуясь тому, что живы.

Она всё ещё была монстром. Она всё ещё хотела жрать, рвать плоть своих новообретённых друзей и...

Но она не может. Не станет. И всё же тварь знала, что не может остаться. В конце концов, она станет...

Гоблин втиснул ей в руки миску с разогретым супом. Он ухмылялся, почёсывая голову. Монстр уставилась на него. Он выглядел знакомым. Он был первым гоблином, который пришёл за ней. Её взгляд остановился на его голове, и она отпрянула.

У него были клещи! Гоблин выглядел смутно извиняющимся, почёсывая тёмную фигуру паразита на своей лысой голове. Девушка схватила его и, к удивлению гоблина, потащила к костру, который поддерживали другие воины. Там она взяла прут и, к удивлению остальных гоблинов, засунула один конец в пламя, пока он не раскалился.

Гоблин с чешущейся головой не знал, что она задумала, и поэтому, когда он увидел, что раскалённый прут направляется к его голове, он тут же попытался отстраниться. Но девушка-монстр издала успокаивающие звуки, и он остановился. Гоблин был очень напряжён в её руках, пока она тыкала в клещей раскалённым железом.

Жар заставил гоблина вскрикнуть и попытаться вырваться, но, похоже, это не заставило

клещей уйти. Нахмурившись, девушка отбросила палку и схватилась за голову гоблина.

Значит, ногти. Она начала ковырять кожу, её удлинённые ногти впивались в плоть. Гоблин визжал и пытался вырваться, но остановился, когда она вытащила первого клеща из его головы.

Головочёс и другие гоблины в ужасе уставились на огромного клеща, большого и толстого от жизни на его скальпе, когда человеческая девушка его вытащила. Остальные гоблины тут же столпились вокруг головы Головочёса и отпрянули, увидев, насколько она заражена.

Головочёс с мольбой положил голову на колени человека. Она казалась ошеломлённой этим, но затем услужливо погрузила пальцы в кожу гоблина, осторожно вытаскивая паразитов. Она бросала их в огонь. Пару раз Головочёсу показалось, что она словно с голодом смотрела на них, но она их так и не съела.

Когда всё закончилось, голова гоблина кровоточила, но, к счастью, больше не чесалась. Он ухмыльнулся человеку и получил в ответ лишь странный взгляд. Он думал, что она будет счастлива, но когда она встретилась с ним взглядом...

Казалось, она вот-вот заплачет.

Девушка сидела на снегу возле костра. Она теребила в руках грязный шар. Мыло. Щелочное мыло, сильно пахнущее, несомненно, украденное из какого-то каравана, на который совершили набег гоблины.

Но всё же это было мыло. А ещё у них были ткань и масло. Всё то, что делало их цивилизованными, делало их разумными. Девушка медленно отложила мыло и погрузила руки в горячую воду. Руки жгло, но это было необходимо. Она была грязной.

Да, разве раньше всё не было так же? Чистые руки и... дела. Маленькие дела. Не пожирание мертвечины. Если она может делать такое, тогда...

Девушка уставилась на гоблина, свернувшегося в клубок рядом с ней. Он практически застыл от страха, а четверо других гоблинов, державших его, выглядели мрачными и решительными. Он не хотел её помощи, но они настояли.

Несколько крошечных блох выползли из уха дрожащего гоблина, пока девушка наблюдала за ним. От них ей захотелось... есть, но она отбросила эту мысль. Заражение. Жуки. Она видела подобное раньше, видела, как [Целитель] лечил такое. Она может попробовать то же самое, не так ли?

Гоблин, у которого она вытаскивала клещей – гоблин, почёсывающий голову, – протянул ей палочку с намотанной на конец тканью. Она была очень тонкой, и девушка слегка обмакнула её в стоящий рядом горшок с маслом. Её пациент-гоблин вздрогнул, увидев палочку, но другие гоблины держали его на месте.

Девушка осторожно, очень осторожно промокнула ухо гоблина тряпочкой с маслом. Он стиснул зубы и прорычал невнятные слова ей в колени, но не двинулся с места. Вместе с палочкой ухо гоблина покинули жуки, прилипшие к маслу. Остальные гоблины скорчили гримасы, пока девушка продолжала вытаскивать паразитов. Один из воинов шлёпнул гоблина по уху, как будто это он был виноват в том, что впустил их туда.

Слишком много жуков. Как бы девушка ни старалась, с каждым разом она вытаскивала только больше, и она была уверена, что там наверняка есть яйца. Поэтому она сменила тактику.

В заострённое ухо гоблина полилась горячая вода. Он вскрикнул и стал сопротивляться, но его друзья только смеялись и держали его. Девушка досчитала до десяти, а затем позволила гоблину сесть и вылить воду из уха.

Крошечные жучки вымылись вместе с водой. Девушка скорчила гримасу и повторила процедуру, на этот раз с мыльной водой. Она заставила гоблина держать воду в ухе несколько минут - достаточно долго, чтобы утопить всё, что там было.

Когда она позволила гоблину сесть, он впился в неё взглядом и засунул палец в мокрое ухо. Но когда он вытащил только мёртвых жуков, то просветлел. Он ухмыльнулся и помахал ей рукой. Она улыбнулась в ответ.

И заплакала.

Гоблины не могли этого понять. Но девушка чувствовала себя... нормальной, после того как помогла гоблину. Его благодарность ранила её так, как не смог бы ранить ни один меч.

Разумеется, она не могла этого объяснить. Остальные гоблины столпились вокруг того, у кого в ухе были жуки. Один ударил его по затылку. Другой ударил его кулаком. Девушка остановила их. Попыталась объяснить.

На земле рядом с костром был участок грязи. Девушка взяла палку и стала на ней рисовать.

Она нарисовала человечка, а затем маленькие фигурки для гоблинов. Они столпились вокруг, чтобы посмотреть, а тот, что чесал голову, сел прямо напротив неё, уставившись в лицо девушки.

Она. Гоблины. Они кивали и показывали друг на друга, пока она рисовала преувеличенно толстую фигурку хоба, который лежал, прислонившись к одной из стен. Девушка кивнула, лицо её помрачнело, и воины затихли. В темноте она указала на фигуру, изображавшую её.

Я.

Она добавила клыки и рога маленькому человечку на грязи.

Монстр.

Они уставились на неё. Их взгляды обнаружили, как изменились её зубы, челюсть, пальцы и даже руки, делая её менее... человеческой. Больше похожей на Пожирателя, чем бы это ни было. Но затем они пожали плечами.

Ну и что? Гоблин похлопал девушку по руке и усмехнулся. Он указал на себя и других и пририсовал всем фигуркам маленькие рожки. Все они здесь были монстрами.

Глаза девушки наполнились слезами, но она не плакала. Она указала на человечка, а потом нарисовала другие фигуры, других людей. Далеко от неё. Она провела линию между собой и остальными.

Одна.

Гоблины перестали улыбаться. Они уставились на неё и на линию, отделяющую человека. Они понимали. Никто из них не говорил ни слова. Они просто поняли.

Девушка указала на труп. Она указала на мёртвую плоть, имитируя чавкающие движения. Гоблины кивнули. Она провела линию по своему лицу.

Грусть.

Слеза скатилась по грязи на её лице, смывая её. Гоблины уставились на неё, а затем на тела.

Они понимали.

И она понимала. Каким-то образом, по тому, что они пытались ей сказать, по движениям их рук... Они тоже чувствовали подобное.

Потому что гоблины, конечно же, ели своих мертвецов. Разумеется, ели. Чтобы выжить, они ели всё. Это все знали. Поедание себе подобных и других разумных – вот что делало гоблинов монстрами.

Но кто спрашивал гоблинов, что они чувствуют? Кто-нибудь знал, что гоблины плачут, поедая собственных мертвецов? Разумеется, гоблины ели себе подобных. Они делали это, чтобы выжить. Но каждый гоблин провёл линию по своим щекам.

Они ели, и они плакали внутри.

Они тоже были людьми. Разумными, которые хотели жить.

Они были монстрами с душой. И они...

Они ничем не отличались от неё. Они были не хуже неё, а может, и лучше. Они не были монстрами.

И, возможно, она тоже не была.

Это история девушки-монстра. Она сидела в руинах своего дома и плакала. Плакала за всё, что она потеряла. За всё, во что она превратилась. Она плакала, потому что делала ужасные вещи, чтобы выжить, ужасные вещи, которые приводили её в отчаяние и порождали в ней желание умереть. Но она встретила монстров, и оказалось, что они были более человечными, чем она. А потом они показали ей свои сердца, и оказалось, что она тоже не монстр.

Девушка плакала, рыдая обо всём, что она потеряла. Она была потеряна, одинока. Но тут она почувствовала, что её обхватили руки, и посмотрела в лицо Головочёса. Он крепко сжимал её, закрыв глаза.

Это история о гоблине, который обнял чудовище. Чудовище жаждало укусить его, съесть...

Но она загнала эти желания куда глубже. Она похоронила безумие и нашла что-то другое, прорастающее во тьме её сердца. Оно расцвело, слабый росток потянулся к свету, упиваясь моментом доброты.

Цветок.

[Состояние - Ужасный Голод снято!]

От этого голоса в её голове глаза девушки широко распахнулись. Она встала, отбросив руки гоблина. Он тут же отпустил её, испугавшись, что зашёл слишком далеко. Но девушка смотрела на небо и видела только голубой цвет. Немного синевы, скрывающейся за тёмными тучами.

Солнечный свет. Далек, но всё же он был, светя вниз. Искупление для разбитой души. Благодарность для гоблина.

Гоблин что-то говорил. Пытался извиниться. Девушка посмотрела на него и, к его большому удивлению, заключила в объятия. Другие гоблины вытаращились, но она обняла его, подняв в воздух.

Она всё ещё выглядела как чудовище. Её зубы всё ещё были острыми, и она потеряла дар речи. Но она больше не была голодна. Этого было достаточно.

Она обняла Головачёса и зарыдала. Чудовище, обнимающее гоблина. Но чудовище с душой. И в этом чудовище было немного больше человеческого, чем было минуту назад. Это понимание шептало девушке, пока она пыталась вспомнить своё имя, зная, что оно у неё есть.

Спасение.

Человек в серебряных доспехах стоял на вершине укрепления и смотрел вниз, на людей. Они смотрели на него в надежде, ожидая спасения. В ожидании шанса снова жить.

— Гоблины идут.

Это было всё, что он сказал им, оставшимся тысячам людей Эстхельма. Они держали в руках оружие; дети, женщины, мужчины, цепляясь за жизнь всем, что у них было. Никогда ещё [Рыцарь] не был так горд, никогда ещё не испытывал такой чести сражаться.

— Они наступают! Их первый штурм провалился, но они придут с новыми силами. Все они.

Мёртвые лежали на улицах, а те немногие, кого он успел спасти, теперь присоединились к живым. Гоблины пронеслись по городу, убивая целые группы. Но теперь монстры были мертвы,

а павшие отомщены. Он сам убил почти сотню, а оставшиеся...

Йилавес посмотрел на город за баррикадой, на которой он стоял. Зомби бродили по улицам сотнями. Тысячами. И где-то, скрываясь, нападавая всякий раз, когда он поворачивался спиной, стоял скелет. Он убивал и гоблинов, и людей. Но это был всего лишь одинокий скелет по сравнению с армией, которая вот-вот выступит в поход.

Авантюрист Золотого ранга снова обратился к людям. Он указал на баррикады, построенные из камня, дерева и всего, что можно было найти, и на которых стояли все, у кого был лук или оружие, способное сдержать орду.

— У нас есть возвышенность, и мы выстроили заграждения, которые можем держать.

Один главный вход с частоколом. Поле для убийств, как он надеялся. Он будет удерживать его, пока не умрёт. А эти люди... Йилавес указывал на них, крича:

— Они придут. Они придут, а мы будем сражаться и умирать здесь. Вы понимаете? Здесь. До последнего ребёнка. Больше некуда бежать, негде прятаться! В этот день ваш город либо будет жить, либо умрёт! Люди Эстхельма, верните же свою гордость. Отбросьте гоблинов и верните свой город!

Он поднял меч, и они закричали. Они приветствовали бы кого угодно, но они приветствовали именно его. Они взывали к надежде и поднимали оружие против тьмы.

— Вы действительно думаете, что мы сможем выжить, господин?

— Я же говорил тебе называть меня Йилавес.

Мужчина повернулся и посмотрел в глаза авантюристу Бронзового ранга. Он был рад, что юноша остался, как и двое его напарниц. И, поскольку он уважал храбрость этого человека, он не стал лгать.

— Шансы невелики. Но это возможно. Мы знаем, сколько там гоблинов. По численности мы можем даже немного их превосходить.

— Считаю женщин и детей, сэр. И людей, которые едва могут сражаться...

— Разницу сравниют баррикады и я. В остальном мы можем только надеяться, что жители Эстхельма будут сражаться со всем мужеством, которое у них есть. Если мы сможем убить достаточное количество врагов, они могут броситься врассыпную. У них, может, и есть броня и некоторая подготовка, но они всё ещё низкоуровневые гоблины. По крайней мере, в большинстве своём. По правде говоря, намного больше меня беспокоит нежить.

— Так много...

— Да. Я опоздал, — просто признал Йилавес.

Он уставился вниз, на улицы.

— Гоблины будут управлять ими с помощью [Шаманов] и [Магов], если смогут. Использовать их

для битвы. Если нам придётся сражаться и с нежитью, и с гоблинами, у нас нет шансов.

— Если это случится... что мы будем делать?

— Держаться. Как можно дольше. Скоро может прибыть помощь.

— Вы уверены?

Юноша смотрел на [Рыцаря], желая верить. Йилавес тоже того желал. Он потянулся к поясной сумке и вытащил что-то.

— Я послал за помощью прошлой ночью.

Он показал авантюристу свиток со светящимися буквами, вытравленными на пергаменте. Послание. А под ним ответ, написанный аккуратным почерком.

— Помощь идёт. Но я не знаю, прибудет ли она через час или через несколько дней.

— У нас нет нескольких дней.

У них не было даже часа. И оба авантюриста это знали. Йилавес посмотрел на горизонт и

ПОВЫСИЛ ГОЛОС:

— К оружию! Гоблины приближаются!

Тёмная масса на краю городской черты двигалась. Люди на стенах увидели тёмный поток тел, вливающийся в город, а затем услышали ритмичные удары.

Барабаны. Не один или два, а бесчисленное множество гулких ударов, которые заставляли защитников трястись от страха.

Барабанные удары были подобны грому. И, пока Йилавес наблюдал, первая волна армии гоблинов начала вливаться в город. Одни ехали на пауках-щитовиках, другие – на лошадях. А во главе армии...

— Нежить. Ими управляют [Шаманы].

Рыцарь стиснул зубы. Неужели это конец? Но там было всего несколько мертвецов... едва ли сотня. Если это всё, что они могли контролировать, то...

Шансы были. Йилавес закричал, сбегая по баррикаде к единственному отверстию в их обороне. Он будет рубить врагов снова и снова. Создаст точку, на которую монстры смогут бросить всю свою ярость, пока от неё не останется ничего.

— Занять баррикады. Мы удержим их на заградительных пунктах... отбросим их!

Люди Эстхельма кричали, а гоблинские барабаны били. Теперь гоблины тоже кричали, и их голоса разносились по всему городу. Они встретили авантюриста в серебре, и столкновение было подобно грому. Гоблины навалились на баррикады, сражаясь с людьми на стенах. Лучники с обеих сторон заполнили небо стрелами...

И нежить зашевелилась. Они начали стекаться к конфликту. Зомби, гули, наступающие словно прилив. Гоблины повернулись, чтобы сразиться с мертвецами... [Шаманы] пытались их контролировать, пытались, но они были беспомощны перед таким количеством целей. А человек в серебре всё сражался, его меч и щит сверкали на свету.

Началась последняя битва за Эстхельм.

Он видел человека в серебряных доспехах. Он видел гоблинов, казавшихся бесчисленными, пока они с воинственными криками устремлялись к деревянным баррикадам. И Торен чувствовал себя счастливым.

Война. Смерть. Люди встретили гоблинов с рёвом, скрестив мечи. Спустя несколько мгновений начали падать первые трупы.

И как же Торену хотелось быть среди сражающихся с мечом в руке! Но он должен быть терпеливым. Он огляделся, рассматривая мертвецов, которые окружали его.

Они были такими же, как он. Бездумными, да, но Торен чувствовал с ними связь, которой не

было несколько дней назад. В конце концов, между ними было не так уж много различий. Они жили, чтобы сражаться и убивать...

И он тоже. В этом было его предназначение. Торен это знал. Он будет вести за собой мертвецов. Иначе зачем ему этот Навык, этот класс, если это не его предназначение? Приказывать зомби, вести их к победе, используя при этом превосходную тактику и планирование, доставляло особое удовольствие.

Это вызывало зависимость, головокружение, опьянение. Торен смотрел на поле боя и понимал, как он может его изменить. Он обратился к зомби, находящимся под его контролем, готовя их к бою.

Он словно был создан для этого. Наконец-то он это нашёл. Командовать было так прекрасно. Чувствовала ли Эрин нечто подобное, когда приказывала ему? Чувствовала ли она...

Торен сделал паузу. Плавающие огоньки в его глазницах на секунду померкли. Нет. Не она. Теперь он отдельно. Она... больше не его хозяйка. Он свободен. И будет свободен.

И он будет расти. Торен вернул взгляд на поле боя. Гоблины пытались забраться на баррикады, перегораживающие улицы, а люди сбрасывали их вниз, пускали стрелы и бросали в них камни. Время пришло.

Первая группа зомби двинулась в сторону гоблинов. Они двигались медленно... просто очередная бродячая группа нежити, привлечённая конфликтом. Гоблины почти не обращали на них внимания. Пока несколько воинов охраняли их фланги, опасности не было.

Торен усмехнулся. По его молчаливому приказу зомби бросились бежать.

Это история одного скелета. Он умел только убивать, и именно это он и делал. В городе, наполненном смертью, скелет сначала убивал своими руками, а затем начал использовать других, чтобы убивать всё больше и больше. Он убил бы всех в мире, если бы мог.

Потому что это было всё, что он знал.

— Держать позиции! Держать позиции, чёрт вас побери!

Йилавес кричал на людей, сражавшихся вокруг него, пока рубил мечом, выкашивал гоблинов, когда те наступали на него. Как долго он уже сражается? Несколько секунд? Час? Он не мог сказать.

Гоблины хлынули к нему, огибая частокол, в центр созданного им стального вихря. Парирование, удар, блок, удар... его щит был таким же оружием, как и его меч. Обычные гоблины не могли даже приблизиться, он рассекал их оружие, но они продолжали атаковать, даже пока их товарищи падали замертво. И когда появился хоб...

Йилавес попятился назад, когда ему в грудь врезалось копьё, не пробив доспехи, но оставив на них вмятину. Его пластинчатый доспех не был зачарован, как его оружие, и авантюрист закашлялся. Гоблин закричал, размахивая коротким мечом...

Он его обезглавил. Продолжать сражаться. Не останавливаться! Гоблины казались бесконечными, но баррикады всё ещё держались. Даже когда люди падали и умирали, новые

спешили занять их места. У них была высокая позиция. Пока у них было такое преимущество, даже ребёнок мог сбить гоблина вниз хорошим ударом...

— Зомби!

Кто-то выкрикнул это слово. Йилавес повернулся и увидел четырнадцать зомби, бегущих прямо на него. Он среагировал мгновенно.

— [Щит Доблести]!

Зомби врезались в стену воздуха, когда Йилавес поднял щит и толкнул. Зомби и все гоблины в конусе перед авантюристом отлетели назад под действием его Навыка. Тяжело дыша, Йилавес опустил щит и повернулся.

— Докладывай!

[Лучница], одна из немногих воинов среди горожан, окликнула его, выхватывая новые стрелы. Гоблины отступали, но её руки не переставали работать, посылая снаряды в прикрытые щитами ряды врага.

— Зомби идут со всех сторон! Они атакуют баррикады, но некоторые нападают на гоблинов!

— Покажи мне!

Йилавес вскочил на платформу. Женщина указала, и рыцарь увидел, что она была права. Зомби приближались со всех сторон, привлечённые таким количеством живых. И они напали на гоблинов! Некоторые из мертвецов даже сражались с теми, кого контролировали [Шаманы]. Но что-то было очень, очень не так.

— Что происходит?

[Лучница] указала на группу зомби, которые бежали в бой, как и те, что появились раньше. Они набросились на группу гоблинов с тыла, кусая и разрывая.

— Зомби не могут бегать!

— Некоторые могут.

Йилавес был мрачен, осматривая зомби. Они застали врасплох целую группу лучников... случайность, или же что-то знало, что там есть возможность нанести удар?

— Они могут?

Женщина в ужасе уставилась на Йилавеса. Тот кивнул.

— Некоторые могут. Но не так. Только пара из сотни бегает, и они не... сбиваются вот так в группы. Это неправильно.

— Смотрите! Ещё одна группа!

На этот раз Йилавес ясно увидел, что происходит. Группа зомби, медленно двигавшаяся к гоблинам, внезапно застыла. В одно мгновение их медленный шаг превратился в спринт, и они изменили курс. Вместо того чтобы ударить по группе гоблинских воинов, к которым они стремились, они побежали к баррикаде и начали колотить в щель, открывшуюся в деревянной конструкции.

— Почему они так себя ведут?

— Там.

Йилавес указал. В центре огромной массы зомби стоял скелет, указывая и размахивая мечом. Женщина, стоявшая рядом с авантюристом, побледнела.

— Мёртвые боги. Он ведёт их?

— Да.

Йилавес ясно это видел. Куда бы ни указывал скелет, туда начинала бежать группа зомби. Они нападали на уязвимые места, поражая как людей, так и гоблинов. Всегда четырнадцать зомби.

Каждый раз, когда группа из четырнадцати зомби врезалась во фланг гоблинов, другая группа начинала двигаться с такой же целенаправленностью.

— Он координирует нежить. Пытается нас подавить! Следите за флангами! — крикнул Йилавес.

Он хотел подбежать, чтобы посмотреть, как идёт вся битва, но окно, которое он создал с помощью своего Навыка, уже закрылось. [Рыцарь] увидел, что люди снова сцепились с гоблинскими воинами, и вновь бросился в бой.

— Не дрогните!

Гоблин верхом на огромном пауке-щитовике нёсся прямо на Йилавеса, смеясь, рассекая людей алебардой, которая пробивала броню, словно её не существовало. [Рыцарь] прокричал вызов, и двое сошлись в схватке в центре поля боя. Но нежить продолжала наступать, и под непрекращающимися атаками баррикады начали трескаться...

Они сидели на крыше своего убежища и наблюдали за битвой. Гоблины. Но не эти гоблины. Воины Красного Клыка не испытывали никакой привязанности к воинам Гоблина-Лорда. Более того, они с насмешкой смотрели на тактику другой стороны.

Осаждать окопавшуюся группу людей? Они что, идиоты? Они явно рассчитывали задавить людей одним ударом, но недооценили авантюриста Золотого ранга и сложность преодоления баррикад. Воин в серебряных доспехах в одиночку убил уже бесчисленное количество гоблинов, и, пока он стоял, гоблины не могли продвинуться дальше его позиции.

Но дело осложняла нежить. Плохострел указал, и гоблины увидели, что нежить атакует гоблинов с тыла, вынуждая их разделить свои силы. Что-то двигало нежить, словно [Тактик], и это усложняло задачу атакующим силам.

Тем не менее все гоблины Красного Клыка могли сказать, что битва шла в одном направлении. Гоблины наносили зомби всё больше урона, а вот о неопытных защитниках-людях то же самое сказать было нельзя. Под давлением обеих сторон баррикады не выдерживали. Как только одна из них рухнет...

Все люди погибли. Воины Красного Клыка не были уверены в том, что им чувствовать по этому поводу. С одной стороны, люди обычно были их врагами. С другой стороны, силы Гоблина-Лорда определённо были их врагами. И кроме того...

Они посмотрели налево, на девушку, сидящую рядом с ними. Она притаилась на крыше и смотрела вниз, на битву.

Она была человеком, не так ли? Всё больше и больше человеком, или так им казалось. Головачёс сидел рядом с ней, и никто из гоблинских воинов не знал, что сказать. Всё, что они знали, - это то, что они её полюбили. Совсем чуть-чуть. За то, что она спасла Ворчуна. За то, что она осмелилась обнять гоблина. За то, что она была похожа на них.

Вообще-то, не чуть-чуть. Они очень полюбили её. Так просто, как только могли. Потому что она не смотрела на них как на монстров. До этого момента они и не подозревали, что им это нужно.

И сейчас она смотрела на поле боя. Ворчун подтолкнул её и заворчал. Он указал в сторону ворот, которые не защищались. Она могла бежать. Воины Красного Клыка давно уже должны были уйти. Но человеческая девушка просто пялилась на укрепления.

Войска Гоблина-Лорда наседали. Они слишком глубоко зашли, чтобы их можно было оттеснить, а на стороне, наиболее удалённой от авантюриста Золотого ранга, людей было недостаточно. И нежити было слишком много. Воины Красного Клыка разглядели среди зомби знакомый скелет и удивились...

— Идти.

Это слово прозвучало из уст Головочёса. Это заставило других воинов Красного Клыка застыть в шоке, но он указывал на ворота. Он призывал девушку идти. Уходить.

С ними?

Это была всего лишь мимолётная мысль. Человек - девушка, которая частично была монстром, - посмотрела на Головочёса и помедлила. Затем она медленно покачала головой.

Она указала на поле боя, на людей на стенах, которые они возвели. Отступающих. Сдающих позиции. Монстр указала на них и коснулась своего сердца.

Некоторые вещи не нуждались в словах. Гоблины понимали. Но потом она указала на них, на гоблинов и нежить. Она коснулась меча Головочёса, висевшего у него на поясе.

Воины уставились на неё. Что она имела в виду? Ворчун в понимании опустил голову, но остальные не поняли. Девушка в шкуре чудовища снова указала на спины нежити, а затем на гоблинов. Она коснулась меча, а затем сердца.

И они поняли. Она хотела, чтобы они помогли. Помогли спасти...

Первым зашевелился Плохострел. Он покачал головой и издал недовольный звук. Он уставился на поле боя, а остальные гоблины зашевелились и опустили глаза. Воины Красного Клыка смотрели на свои ноги, на небо, на поле боя, но никто не осмеливался взглянуть на чудовище, которое умоляло их своим взглядом.

Головочёс отвернулся. Он не мог встретить взгляд девушки. Он смотрел вниз.

Как они могли ей сказать? У воинов Красного Клыка не было слов, чтобы объяснить это. Но всё было достаточно просто, чтобы даже необученная девушка-монстр могла понять.

Их было тринадцать. Тринадцать храбрых воинов и хороших бойцов, да, но только тринадцать. А вот армия Гоблина-Лорда была именно армией. Да и одна только нежить казалась безграничной.

Они не были героями. И они не желали умирать. В конце концов, они всё ещё были гоблинами. И только дурак спустится вниз.

Но они не могли этого сказать. Не девушке, которая смотрела на них так, словно они были героями. Им было невыносимо видеть разочарование в её глазах.

Никто из них не осмеливался поднять взгляда. Ворчун потрогал свою сломанную руку и уставился на человека в серебряных доспехах. Тот сражался, одинокий огонёк света среди тёмных доспехов и копошащихся тел.

В конце концов, они непохожи. Гоблин остаётся гоблином, а не авантюристом.

Монстр молча смотрела на гоблинов. Они не видели, что было в её взгляде, но все видели, как она повернулась и посмотрела на баррикады. Людей теснили. Зомби тоже лезли по стенам, несомненно, под командованием скелета. И гоблины не прекращали атаковать.

Скоро всё будет кончено. Тогда им придётся уйти. Но что делать девушке? Сможет ли она выжить, как они? Сможет ли она пойти с ними?

Это была всего лишь мысль. Но они увидели это в глазах Головочёса. Он хотел этого. Однако девушка была другой. Она оглянулась на свой народ, умирающий, сражающийся, и тронула своё сердце. Воины не могли этого знать, но девушка слышала, как оно бьётся, так громко, что казалось, оно вот-вот взорвётся. И больше ничего. Она только слышала, как бьётся её сердце в груди. Девушка почти забыла этот звук. Он напоминал ей о том, кто она.

Он напомнил ей, что она человек.

Монстр встала. Воины Красного Клыка молча наблюдали за ней. Она медленно указала в сторону людей и провела линию по щеке. И коснулась своего сердца.

И больше ничего. Она наклонилась, и Головочёс поднял на неё взгляд, полный...

Она поцеловала его. Не в губы, а нежно в щёку. Он застыл в шоке, и она улыбнулась ему.

— Не монстр.

Она действительно прошептала эти слова? Или это было лишь их воображение? Тринадцать гоблинов молча пялились на неё. Затем монстр... девушка, носившая облик монстра, прыгнула. Она пролетела по воздуху и приземлилась на землю, даже не заметив удара. Она побежала на четвереньках в сторону поля боя, и это чудовище врезалось в гоблинов, разрывая их, кусая, разрезая, пока они кричали от ужаса и шока.

Головочёс стоял на месте, уставившись на неё. Но потом он спрыгнул с крыши, не обращая внимания на крик Ворчуна. Он побежал за ней, следуя за девушкой в самое сердце поля боя. И все двенадцать воинов Красного Клыка бежали за ним по пятам.

Это история о войне. Она была жаркой, жестокой и очень быстрой. Казалось, живые становились мёртвыми в мгновение ока. Война велась в пустынном городе в самом сердце зимы.

Холодное небо, снег на земле. Но горячие тела.

И кровь. Разорванная плоть. Чудовище пронеслось сквозь ряды гоблинов, осаждавших частично разрушенную баррикаду. Они видели её и кричали. Монстры, боящиеся монстра.

Её когти резали сталь. Её зубы разрывали плоть и кости. Гоблины в чёрных доспехах пытались рубить её, но она была в постоянном движении, и их оружие едва рассекало её толстую кожу.

Это история девушки, которая выпустила чудовище внутри себя. Она рвала и кусала, забыв о страхе и убивая. Она шла всё глубже по тропе в ад, но у неё был спасательный круг, хрупкая нить, за которую она крепко держалась. Воспоминание о гоблине, который обнял её, и группе монстров с сердцами героев.

Это история о группе гоблинов. Они стояли на краю врат смерти, глядя на девушку, которая танцевала со жнецом, бесстрашная, сражающаяся за свой народ. Борющаяся за жизнь. Борющаяся за то, чтобы быть человеком.

Они колебались. Их оружие было наготове, но они не осмеливались вступить в конфликт. Потому что боялись. Потому что хотели жить. Они видели, как воины Гоблина-Лорда в беспорядке отступили назад, а люди сплотились, когда монстр напал на врагов. Но этого было недостаточно. Гоблинов было много, и изменения произошли только на малой части поля боя.

А нежить была повсюду. Они продолжали наступать, медленно окружая и людей, и гоблинов. Ими командовал этот ужасный разум - ликующий, насмешливый скелет, танцующий посреди хаоса.

Гоблины смотрели на скелета, который находился в сотне шагов от них, будучи окружённым своими приспешниками. И гоблины знали, что если его не остановить, то люди погибнут.

Всё крутилось вокруг скелета. Но тут Ворчун указал.

Там. Командир гоблинов с серебряной алебардой в руках восседал на своём пауке-щитовике. Он сражался с авантюристом Золотого ранга, снова и снова прорывая ряды людей. Без него гоблины останутся без лидера.

Два лидера. Головочёс видел обоих, держа меч в потной лапе. Если один или оба падут, люди будут спасены. Возможно, будет спасена и она. Если они будут сражаться...

Но его ноги не двигались. Головочёс стоял на месте, испытывая стыд. Он дрожал. Он боялся умереть. Потому что это была верная смерть. А он был всего лишь гоблином.

Но девушка... она была чудовищем. Она была человеком. Она была чем-то другим. И она видела то же самое, что и гоблины. Поэтому она просто побежала. Она прыгнула и повалила гуля на землю. Сверкнули зубы, и два существа вгрызлись друг в друга.

Головочёс закричал и побежал вперёд, вскинув меч, Плохострел пытался выловить цель среди расплывающихся фигур. Но тут гуль упал, в его горле и шее зияла дыра. Девушка-монстр побежала дальше, на массу зомби, прикрывавших скелета...

И споткнулась.

И упала.

Из-за стрелы в спине.

Головочёс закричал. Он увидел, как древко вонзилось в девушку... не сбоку, а сверху. Выстрел был сделан с высоты баррикад.

Стрелу выпустил человек. Возможно, он принял её за гуля... а возможно, просто увидел, как она выглядит, и выстрелил. Но стрела всё равно попала в спину девушки.

Она упала, и зомби, к которым она бежала, окружили её, кусая. Разрывая. Головочёс бросился на них, нанося дикие удары. Два зомби упали, когда он пронёсся сквозь них, отпихивая мертвецов в стороны. Другого мертвеца убила стрела, а затем гоблина окружили остальные воины Красного Клыка. Они оттеснили зомби назад, пока Головочёс держал девушку на руках.

Он потянулся за стрелой и остановился. Она была слишком глубоко, а монстр в его руках...

Не была монстром. Она была просто девушкой, истекающей кровью, раненой.

Умирающей. Она моргнула, глядя на гоблина, державшего её, и задалась вопросом, почему она никогда не думала, что гоблины могут плакать. Разумеется, они могли плакать. Это была такая простая вещь, но она лишь подтвердила её правоту.

Они тоже были людьми.

Она подняла руку и попыталась смахнуть слезу с глаз Головочёса. Но она была слишком слаба. Её рука упала, и девушка закашлялась. Она изумлённо уставилась на свою кровь.

Вокруг неё другие гоблины рылись в своих ранцах, искали на поясах зелья. Но у них не было зелий. Только то, которое они использовали для Ворчуна. Хобгоблин опустился на колени рядом с девушкой и уставился на неё.

Она улыбнулась ему. Слабо. Умирающе. Но затем её голова поднялась, и она уставилась на людей. Они были такими хрупкими, такими одинокими.

Она указала на них. Гоблины перевели взгляды. Девушка прикоснулась к своему сердцу. Оно всё ещё медленно билось. И больше ничего. Она коснулась сердца и провела кровью линию по щеке.

Она задала вопрос, который было невозможно облечь в слова.

Это история о гоблине, который держал на руках умирающего человека. Остальные воины стояли плечом к плечу, подняв щиты, защищая её от шальных стрел, летевших в их сторону. Они рычали на людей на баррикадах, наблюдая, как нежить оттесняла их всё дальше и дальше назад.

Гоблин держал на руках человека, глядя на смерть. Она была повсюду: вокруг него и в пылающих фиолетовых глазницах скелета, окружённого нежитью. Гоблин смотрел на смерть, но глаза его были устремлены только на человека.

Она заговорила с ним словами, которые он и все гоблины услышали даже среди битвы. Гоблин слушал, склонив голову, пока девушка не подавилась кровью и он не отнёс её подальше от сражения под защитой своих друзей.

Он положил её в тихом месте, вдали от поля боя. Рядом с затухающим костром, в месте, где она будет в безопасности. Затем гоблин обернулся и уставился на смерть. Рядом с ним тихо стояли двенадцать других гоблинов. Они смотрели друг на друга. И они слышали, как бьются их сердца.

Это история о группе глупцов. Они с криками бросились на многотысячную армию. Гоблины и нежить повернулись, чтобы посмотреть на них, а люди на стенах прекратили огонь, увидев группу из тринадцати гоблинов, сражающихся за что-то, чего они не совсем понимали.

Первым был Головочёс. Он бежал, дико рубя, отбрасывая вражеский воинов в стороны, проскакивая мимо зомби. Ему было всё равно, что они режут его, он не обращал внимания на стрелы, которые летели в него, на мгновения, когда он смотрел смерти в лицо. Он смотрел только на скелета, стоящего среди зомби.

Он побежал, и десять гоблинов последовали за ним, сражаясь как один, борясь за каждый сделанный шаг. Но двое гоблинов не последовали за ними. Одним из них был Плохострел, который выпускал стрелу за стрелой в толпу нежити. Другим был Ворчун.

Ворчун. Хобгоблин повернулся и побежал в другом направлении. Прочь? Остальные воины Красного Клыка запнулись. Но хоб повернулся и на мгновение уставился на них. Затем он произнёс:

— Идите.

Одно слово. А после он бросился сквозь массу тел. Он не стал уклоняться, как Головочёс. Вместо этого Ворчун ринулся напролом сквозь ряды нежити и гоблинов. Зомби отлетали от него, кричащие гоблинские воины исчезали под его ногами. Ворчун держал свой топор в левой руке и ревел на бегу.

У него была только одна цель. Командир гоблинов, сидящий на своём пауке-щитовике. Сначала тот не замечал Ворчуна среди гоблинов. Но вскоре командир заметил изменения на поле боя.

В море бурлящего сражения, где линии гоблинов в чёрной броне и зомби толкали друг друга взад и вперёд, Ворчун прорывался к командиру гоблинов по прямой. Он был неостановим! Копья ломались о его кожу, мечи рубили, но вырывались из хватки владельцев. Ворчун бежал дальше, истекая кровью из двух десятков ран, но продолжая бежать.

— Ты! Вызов! — эти слова рёвом вырвались из уст Ворчуна.

Гоблины и люди перестали сражаться, уставившись на хоба, набрасывающегося на другого гоблина. Командир гоблинов усмехнулся. Он поднял руку и указал.

Другой хоб, такой же крупный, как и Ворчун, с криком выбежал вперёд с мечом в руках, пытаясь замедлить продвижение воина Красного Клыка. Ворчун заревел и взмахнул своим топором. Сокрушительное лезвие обрушилось вниз, и другой хоб попытался заблокировать удар. Топор расколол меч и размозжил голову гоблина. Ворчун вырвал лезвие, и тело вражеского хоба упало на землю.

Тишина. Ворчун поднял свой топор, сверкающий от крови.

— Красный Клык!

Никто из людей не знал, что это означает. Но среди гоблинов эти слова вызвали тишину. Кто не знал об этом знаменитом племени, о воине, который ходил среди других рас?

Гарен Красный Клык и его племя воинов. Даже на юге это имя было легендой. Ворчун снова закричал, направив свой топор на командира гоблинов.

Теперь командир зашипел, его глаза вспыхнули кроваво-красным. Он развернул своего паука и встал лицом к лицу с Ворчуном. Другие гоблины отступили, когда эти двое бросились друг на друга. Хоб истекал кровью, сжимая топор в одной руке, пока в руках командира сверкала алебарда.

— Красный Клык! — взревел Ворчун, обрушивая топор.

Неостановимый удар рассёк воздух. Командир гоблинов прыгнул со спины своего скакуна, и сокрушительный удар разбил огромного паука-щитовика о землю. Он взвизгнул и умер.

Но он забрал с собой топор Ворчуна. Хоб потянул за оружие, пытаясь освободить его, но слишком медленно. Алебарда мелькнула, и хоб, спотыкаясь, попятился назад. Он уставился на обрубок на месте своей руки и услышал смех гоблинского командира. Тот двигался к нему, поднимая алебарду.

Хоб на секунду застыл. Затем его вторая рука шевельнулась. Его сломанная рука схватила топор и подняла его. Зазубренная жёлтая кость пробила кожу Ворчуна, но он только заворчал. Затем топор взмыл в воздух.

Командир гоблинов, скалясь, поднял свою алебарду, но слишком медленно. Топор полетел вниз, сменяя уверенность на страх в глазах гоблина. Ворчун закричал:

— КРАСНЫЙ КЛЫК!

Удар сотряс землю. Он полностью сломал хобу руку. Кость и плоть разлетелись, а рука бесполезно обвисла. Ворчун сел, уставившись на свои потерянные руки, а остальные гоблины и люди уставились на то, что осталось от гоблинского командира, на сломанную алебарду,

лежащую на земле.

Гоблины в чёрной броне колебались, но затем они с криками бросились на Ворчуна. Он встал и сбил одного из них с ног своей окровавленной культёй. Другого гоблина он пнул достаточно сильно, чтобы сломать ему кости. Затем хоб упал, пронзённый бесчисленными клинками.

Ворчун лежал на земле и смотрел на собственную кровь. С огромным усилием он перевернулся на спину и уставился в серое небо. Он заворчал и улыбнулся в последний раз, прежде чем гоблины накрыли его.

Плохострел видел, как упал Ворчун. Он закричал и выстрелил в гоблина, убившего его. Но их было слишком много. И вражеские гоблины увидели его, увидели гоблина, стреляющего в их друзей.

В сторону Плохострела полетели стрелы, сотни стрел. Словно дождь. Он бросился в укрытие за толстый труп, позволяя ему поглощать смертоносные выстрелы. Их было так много.

Гоблинский командир был мёртв, и поэтому гоблины дрогнули. Но ведь были ещё и другие, не так ли? Плохострел их видел: двое [Шаманов] прятались за спинами других воинов, командуя группой нежити, которую им удалось взять под контроль.

Они должны умереть. За Ворчуна. За использование мёртвых. Плохострел не колебался. Он выбрал две стрелы, самые лучшие. Те, которые, как он знал, полетят прямо и дальше всех. Он встал из-за трупа и поднёс первую стрелу к груди. Он её выпустил.

Стрела пролетела через всё поле боя. Она настигла первого [Шамана], который стоял за группой зомби, указывая и смеясь. Он подавился, когда в его грудь вонзилось древко, и упал, задыхаясь.

Второй [Шаман] указал и закричал. Он повернулся, чтобы бежать, и вторая стрела нашла его ухо. Плохострел ухмыльнулся и рассмеялся, увидев, как повернулись другие гоблины. На этот раз спрятаться было негде.

Так много стрел. Слово дождь! Они поражали его: одна попала в грудь, другая - в ногу, последняя - в плечо. Плохострел пошатнулся и упал.

Головочёс не видел, как пали его друзья. Он бежал дальше с мечом наготове, крича. Зомби были повсюду, как и гоблины в чёрной броне. Он рубил их.

Врагов было слишком много. Вот справа на Головочёса налетел зомби, слева - ещё пять. Головочёс увидел, как мимо него пробежал другой гоблин. Камнесуп принимал удары, предназначенные для него. Гоблин резко втянул воздух ртом, когда зомби принялись рвать его плоть, но он зарубил сначала одного, а затем другого. Третий оставил его без меча, и тогда воин стал сражаться руками с двумя оставшимися мертвецами. Они завалили его, пока он смотрел на Головочёса, беззвучно разевая рот, прежде чем его глаза потеряли свет.

Он говорил ему бежать дальше.

Десять гоблинов продолжили свой прорыв, не останавливаясь, оставив своего друга позади. Следующим упал Левша. Стрела угодила ему в глаз, и он упал без звука, продолжая скалиться.

Головочёс отрубил голову вражескому гоблину и увидел скелета. Он был всего в сорока шагах впереди. Он всё ещё их не заметил. Головочёс бросился к нему, но справа на него набросилась группа воинов Гоблина-Лорда.

Вперёд выбежал Рыжесрач. Он не сказал ни слова, только ухмыльнулся, как и всегда. Головочёс видел, как он упал, вонзив копьё в ноги одного из гоблинов и тем самым заставив споткнуться остальных.

Их осталось восемь. Гоблинские воины бежали дальше. Теперь скелет заметил их и указал на них. Зомби и даже гуль бросились на воинов. Мухокус упал справа, проклиная и рубя гуля, когда тот повалил его на землю и начал разрывать.

Семь. Перед ними была стена нежити. Головочёс и воины Красного Клыка с криками бросились на них. Скелет был прямо перед ними. И у него был меч.

Разрубить их. Головочёс свалил ведущего зомби ударом в прыжке. Он упал вместе с телом, пытаясь вытащить свой меч из трупа. Остальные воины Красного Клыка тоже расправились со своими целями. Где скелет?

Вспышка движения. Головочёс увидел, как Шлемочин повернулся, а затем скелет перестал расплываться. Гоблин упал, обезглавленный. Головочёс закричал и бросился на скелета.

Так близко. Скелет отступил, сражаясь сразу с четырьмя воинами Красного Клыка. Но на них бежали всё новые и новые зомби. Один схватил Простотыка сзади и свернул ему шею.

Пятеро. Пятеро набросились на скелета, заставляя его уклоняться. Но он был одними костями и не боялся простых порезов. Головочёс пропустил удар, распоровший ему ногу, и увидел, как Зайцеед задохнулся, когда зомби прокусил его плоть до самой кости, заставив выронить меч.

Скелет смеялся. Он повернулся, чтобы бежать, насмехаясь над гоблинами, которые пришли его убить. Головочёс замахнулся, когда скелет попятился назад, ловко уклоняясь от удара меча.

Так близко! Но недостаточно. Фиолетовые огненные глаза скелета сверкнули Головочёсу. Скелет шагнул влево, уклонился от удара, взмахнул мечом и парировал новый удар. Он поднял свой меч, когда Головочёс споткнулся, схваченный зомби слева от него. Скелет засмеялся...

И Короткохват схватил его сзади. Скелет пошатнулся, повернувшись, попытался отпихнуть гоблина. Но Короткохват держал, не обращая внимания на костяную ногу, которая ударила его по лицу, сломав нос. Жукоух ударил в бок нежити, заставив скелета блокировать удар. Затем гоблин нанёс глубокий удар мечом по руке скелета, вогнав меч в кости нежити. Жукоух напрягся, чтобы удержать руку скелета на месте, и Головочёс рванул вперёд. Скелет повернулся к нему с яростью во взгляде.

Да. Всё верно. Это было несправедливо. Это было нечестно. Но именно так и сражались гоблины. Меч Головочёса перерубил позвоночник скелета надвое. Скелет развалился на две половины, и воины Красного Клыка раздробили его тело своим оружием.

Нежить вокруг них... замерла. Казалось, они уставились в пустоту, а затем снова пришли в движение. Всё ещё атакуя. Всё ещё пытаюсь убить живых.

Но уже неразумно. Больше они не двигались целенаправленно. Воины Красного Клыка, пятеро выживших, попятились прочь. Головочёс бросил свой меч, чтобы оттащить Зайцееда,

подставив товарищу своё плечо.

Они побежали. Воина Гоблина-Лорда всё ещё были повсюду. И нежить тоже. Но они сделали всё, что могли. Всё, что могли.

И этого было достаточно. Когда гоблины предприняли последнюю, отчаянную атаку на людей на баррикадах, воины Красного Клыка посмотрели за ворота города. И там они увидели авантюристов.

— Судя по всему, мы едва успели, — так сказала полуэльфийка дварфу, пока они стояли в тылу гоблинской армии.

Лишившись своего командира, гоблины забыли о тылах. Теперь они спешили одолеть защитников-людей, слишком растянувшихся на своих разрушающихся укреплениях.

— Верно. Но мы всё-таки добрались сюда и даже привели помощь.

Так сказал дварф. Он, разумеется, был невысок для человека, но те люди, которые его видели, склонны были думать, что он высок для дварфа. Это было не так, по крайней мере, не по меркам старых дварфов. В нём было пять футов два дюйма, и его мускулы вздулись, когда он поднял свой молот.

Позади него группа мужчин и женщин, только людей, стояли с оружием наготове. Авантюристы Серебряного ранга, более двадцати человек. Полуэльфийка кивнула.

— Пойдём. Я начну... ударь их с флангов и срежь в сторону Йилавеса, хорошо?

— Ага. Предоставь это мне.

Дварф ухмыльнулся. Он повернулся и заревел на авантюристов Серебряного ранга:

— За мной!

Он повёл отряд [Воинов], [Магов], [Лучников], [Воров] и остальных на гоблинов, с лёгкостью пробиваясь сквозь их ряды. Даже хоб, который встал у них на пути, был расплюснут ударом молота дварфа.

Оставшись одна, полуэльфийка столкнулась с гоблинами, которые заметили её присутствие. Она подняла посох, в который был вмонтирован голубой кристалл. В её сторону полетели стрелы, но [Маг] не дрогнула. Она указала на гоблинов.

— [Воздушный Барьер], [Вспышка], [Малый Смерч], [Водяная Стрела], [Безмолвный Серп], [Размыв Земли]...

Литания заклинаний вырвалась из её посоха; бесчисленные заклинания сбивали гоблинов с ног, осыпали их дождём водяных стрел, разрезали их на куски, пока гоблинские стрелы,

летевшие в полуэльфийку, отскакивали от созданного ею воздушного щита.

Поле боя снова изменилось. Авантюристы Серебряного ранга и дварф Золотого ранга ринулись к ошеломлённым людям. Авантюрист Бронзового ранга с мечом схватился за Йилавеса, когда тот пошатнулся и едва не рухнул среди стен из тел врагов, которых он убил.

— Кто они, господин? Подкрепление? Из какого города?

— Да. Из всех близлежащих городов. И дварф с полуэльфийкой. Это моя команда. Серебряные Мечи.

Люди на баррикадах с неверием смотрели, как гоблины под ними начали разбегаться. Их лидеры растерялись; атакованные столькими сильными авантюристами, они начали бежать. Нежить продолжала сражаться, но они были разобщены.

Измученный человек в серебряных доспехах поднял голову, услышав радостные возгласы. Но он не улыбался. Юноша рядом с ним повернулся к нему, лицо его сияло.

— Вы спасли нас! Вы это сделали! Мы это сделали! Мы победили гоблинов своими силами.

— Нет. Я не думаю, что только своими.

Йилавес не смотрел на растерянного человека. Его глаза нашли группу гоблинов, пятерых, теперь уже раненых, убегających от битвы. Авантюрист вздохнул и сел.

Он очень устал.

Он был так зол. Торен шагнул прочь с поля боя, понимая, что всё потеряно. Теперь он не мог изменить исход. Зомби не могли сравниться с авантюристами такого уровня. А ведь он был так близок! Ещё несколько мгновений, и он бы прорвал строй людей и смог бы прикончить человека в серебряных доспехах!

Так близко! Но гоблины всё испортили!

Разъярённый, Торен рубанул мечом по воздуху, готовый вот-вот взорваться от ярости. Как они посмели. Как они посмели? Они даже не сражались честно! Они сражались... ну, они сражались, как он!

Это было нечестно. Это было неправильно. Торен остановился у двери заброшенного здания, пытаясь мыслить здраво. Сейчас ему нужно бежать. У него всё ещё оставались его уровни, его жизнь. Он может набрать нежити и уйти. Начать в другом месте.

Начать что? Скелет ударил ногой по стене и замер. Он что-то услышал? Скелет осторожно просунул голову внутрь здания. И тут он увидел её.

Человека, лежащего на земле. Торен замешкался. Он... думал, что это человек. Но разве он её уже где-то не видел?

Девушка-монстр. Да. Пламя в глазницах Торена ярко вспыхнуло от шока. Но теперь она была другой. Она была ранена?

Да. Едва цеплялась за жизнь. Скелет подошёл к ней и увидел, что губы человека шевелились. Она... что-то шептала.

Ему было всё равно. Скелет поднял меч и вонзил его в бок девушки. Ему нужно было что-то убить, чтобы почувствовать себя лучше. Он вонзил меч в человека, наслаждаясь тем, как она слабо вскрикнула.

И тут Торен услышал крик. Он повернулся, но слишком поздно. Удар отбросил его назад. В него сбоку влетел гoblin! У него не было оружия, и он начал бороться с Тореном за его клинок.

Скелет попытался пырнуть гоблина, но его застигли врасплох. Его собственный меч вонзился Торену в грудную клетку. Торен пошатнулся, пытаясь освободить оружие. Наконец он его вытащил, при этом раздробив себе кости. Скелет повернулся, держа меч в руке, и увидел гоблина.

Он держал на руках человека. Она истекала кровью на земле, жизнь просачивалась между отчаянных лап гоблина. Но она... улыбалась. Улыбалась?

Торен замер.

Он уставился на гоблина, который держал девушку на руках, хватаясь за её кровоточащую

грудь, пытаясь удержать кровь. Скелет увидел, как рука поднялась и опустилась на лицо гоблина, и увидел, как шевелились бескровные губы. Торен увидел слёзы гоблина и почувствовал что-то... странное в своей груди.

Что это? Что это он сейчас видит? Гоблин и человек? Почему это показалось ему таким странным? Таким...

Особенным? Какое слово было правильным? Но вот, пока скелет наблюдал, мгновение прошло. Рука человека опала, и её тело расслабилось. Но её улыбка осталась. А гоблин, державший её, плакал.

Торен отвернулся. Он не стал нападать на плачущего гоблина. Вместо этого он медленно ушёл в переулок, пока другие гоблинские воины бежали к этим двоим, крича, издавая звуки, полные...

Он не понимал. Поэтому Торен пошёл прочь, оставив гоблинов позади.

Это история о монстре. Это история о монстрах. Ибо когда Йилавес стоял со своими спутниками и празднующими людьми, он услышал крик:

— Гоблины!

Он повернулся, в изнеможении потянувшись за мечом, но вскрикнул, увидев приближающихся гоблинов. Люди уже собирались убить их, но, когда Йилавес направился к ним, они остановились.

На гоблинов были направлены стрелы и заклинания, но они выглядели... потерянными. Четверо держали между собой тело, а последний просто смотрел на Йилавеса, пока тот приближался. Авантюрист остановился, когда увидел тело девушки, лицо которой он узнал.

— Она?..

Гоблин кивнул. Он уставился на Йилавеса, а авантюрист уставился вниз, на мёртвую девушку. Её лицо было обезображено голодом; грязь и нечистоты создали маску на её лице. Но она улыбалась. Это было простое выражение, но оно сияло даже в смерти, несмотря на всё, что ей пришлось пережить.

Йилавес вспомнил, что видел её раньше. Он помнил чудовище. Но то, что он видел, было улыбающейся девушкой. И только.

Авантюрист медленно перевёл взгляд на гоблинов. Они смотрели на него. Молча.

— Я видел, как ваш лидер убил командира гоблинов.

Молчание.

— Я видел, как ваш лучник убил [Шаманов]. Немногие из известных мне человеческих [Лучников] смогли бы сделать подобное.

Они просто пялились на него. Йилавес кивнул ближайшему гоблину.

— Ты убил скелета. Без этого мы могли бы погибнуть до прибытия подкрепления.

Гоблины медленно положили тело человеческой девушки на землю. Они полностью игнорировали Йилавеса. Один из гоблинов с окровавленным скальпом медленно перекрестил руки девушки на груди. Он замешкался, положив свою руку поверх её, а затем отвернулся.

— Да не встретимся мы больше никогда, — крикнул Йилавес им в спины.

Но гоблины даже не признали его присутствия. Они просто ушли.

Перед уходом они нашли Ворчуна. От хоба осталось немного, но воины Красного Клыка на мгновение собрались вокруг его тела. Затем они пошли дальше.

Они нашли Плохострела, смеющегося, дрожащего, сидящего среди стрел, которые едва не убили его. В него попали три стрелы, но та, что предназначалась для его груди, была ужасно сделана. Клей отслоился, и наконечник стрелы отломился, едва пробив его кожу. Когда его нашли, он всё ещё смеялся над тем, что больше никогда не будет ненавидеть стрелы.

Затем Плохострел склонил голову. Он встал и посмотрел в сторону тела девушки, но вокруг неё были другие люди. Воины Красного Клыка медленно вышли из города, избегая нежити.

Молча.

Это история о группе гоблинов и о том, как они оставили позади себя город, уйдя в снег и тьму. Они оставили в городе своего предводителя, больше половины своего числа и девушку-человека. И они оставили там ещё кое-что. Возможно, это была частичка их сердец.

Это история о монстрах. О гоблинах. Но у них были имена.

Зайцеед.

Жукоух.

Молчун.

Короткохват.

Плохострел.

Головочёс.

Это их история. Это история о том, как они вошли в Эстхельм и покинули его, город отчаявшихся, мёртвых и тех, кто боролся даже во тьме. Это их история. Это её начало.

Это история одного скелета. Он, побитый, уходил из города, названия которого даже не знал. Победённый не только мечами и магией, но и тем, названия чего он даже не знал.

Он ушёл, не один физически, но всё же одинокий. Тринадцать зомби и гуль шли рядом с ним, молчаливые, бездумные. Они были инструментами, не более. И Торен понял, что одних только инструментов недостаточно. Убивать недостаточно.

Он снова был один, без цели. Он потерпел неудачу. Торен шёл дальше, глядя на небо. И он начал осознавать, что в этом мире есть вещи, которых он не понимает. Поэтому он покинул город, где живые отвоёвывали свою гордость. Он оставил позади гоблинов, авантюриста в серебряных доспехах и чудовище, ставшее девушкой.

И мёртвые пошли вместе с ним.

К Лискору.

Домой.

<http://tl.rulate.ru/book/2954/3009052>